

Альбус Дамблдор со вздохом отложил письмо, только что полученное от Сириуса, и задумался о последних нескольких днях.

Он сидел за своим столом в кабинете директора и думал о том, что означает то, что Сириус написал в письме.

Гарри по чистой случайности обнаружил кольцо наследника Блэков в комнате Регулуса Блэка, которое, вероятно, было спрятано там перед смертью молодого человека.

Предыдущее письмо, отправленное Сириусом, показало, как он отнесся к находке кольца. Гарри надел его, не понимая, что это такое, и оно признало его наследником.

В письме Сириуса слова звучали неровно, на пергаменте было несколько капель слез. Признание Гарри наследником Блэков означало, что он мог потребовать протоколы судебных заседаний, касающихся предыдущего Лорда-очевидца, которых не существовало. Без протокола судебного заседания Сириус Орион Блэк, по требованию наследника Дома Блэк, мог получить право на срочное судебное разбирательство для определения его невиновности.

Люциус Малfoy не смог бы рискнуть попытаться остановить его, подозрение в попытке кражи Линии не было бы проигнорировано.

Радость, которую Сириус испытывал в первом письме, полностью отсутствовала в последнем, ответ Дамблдора на первое письмо был не слишком приятным.

Сириус сообщил Дамблдору, что он, как и полагается крестному отцу Гарри и, надеюсь, скорому лорду Блэку, будет обучать его Оклюменции и некоторым видам магии семьи Блэк.

Дамблдор был человеком с железной хваткой эмоций и магии, его воля была столь же сильна, как и его сырая сила. Но последние несколько дней отняли у него все силы, начиная с того дня, когда на Гарри было совершено нападение.

Одно из устройств Дамблдора, небольшое серебряное устройство, которое вращалось и издавало периодические щелчки, было предметом, который отслеживал сигналы любой несовершеннолетней магии, где бы ни находился его партнер, а партнер находился в Суррее.

Устройство сработало, предупредив его о сигнале, посланном в Министерство, указывающем на то, что Гарри использует магию вне школы.

Он знал, что это не сулит ничего хорошего. Фадж пытался найти что-нибудь, чтобы заставить его замолчать, убедить молчать о возвращении Волдеморта. Этот человек считал себя политическим гением, потому что Люциус Малfoy играл с ним, как со скрипкой, но Дамблдор был не просто стариком, пережившим свой расцвет.

Альбус Дамблдор, хоть и увядший и согнутый временем и судьбой, по-прежнему оставался одним из сильнейших волшебников в истории. Немногие волшебники, за исключением Тома Риддла, родились с силой, подобной его, но их имена не запомнились в анналах истории, как его собственное, по одной главной причине.

Им не хватало амбиций.

Его выдающегося понимания магии в сочетании с сырой силой, редко встречающейся почти у всех волшебников, было бы недостаточно, чтобы закрепить за ним статус "второго пришествия Мерлина".

Поступок его отца побудил его стать лучшим. Неспособность отца, а в какой-то мере и его самого, будучи старшим ребенком, защитить Ариану заставила его захотеть быть известным как нечто лучшее, чем сын убийцы маглов, и не просто убийцы маглов, а убийцы несовершеннолетних маглов.

Его годы в Хогвартсе измерялись тем, сколько доброты и блеска он проявлял, любые разговоры о том, что он похож на своего отца, исчезали, когда он был проницателен, вежлив и щедр с каждым, кто в этом нуждался, независимо от их происхождения, как магглорожденных, так и других.

Его стремление быть самым лучшим привело к тому, что он стал бесспорным "Лидером Света" - глупый титул, если он когда-либо его слышал.

Он играл в политику уже несколько десятилетий, еще до рождения Люциуса. Он знал не один способ снять с Гарри обвинения, но большинство из них требовали соблюдения определенных критериев.

Дамблдор не хотел, чтобы информация о том, что Гарри является наследником Блэков, была раскрыта на суде. Обнародование этой информации могло заставить Волдеморта сделать свой ход раньше, потенциально ворваться в Отдел Тайн во время шума, вызванного тем, что Гарри Поттер, якобы опасный, привлекающий внимание Парселмут, стал наследником двух благородных и древних Домов, чего не случалось с тех пор, как он родился.

Орден не был полностью готов, как и Министерство. Дамблдор не сопротивлялся тому, чтобы у него отобрали должность Главного колдуна - теперь эта должность была пустой тратой времени.

Его планы требовали времени, которого у него не было в избытке, когда он занимал множество

должностей в правительстве и МКВ.

Но сейчас у него не было таких должностей.

Ситуация может быстро ухудшиться, и ему нужно было подготовить все как можно лучше.

Его мысли вернулись к письму, которое он отправил и которое стало причиной его нынешнего затруднительного положения.

За мгновение до срабатывания устройства он почувствовал, как Бузинная палочка обожгла его. По его позвоночнику пробежала холодная дрожь, и он мог поклясться, что почувствовал мягкие пальцы, ласкающие его плечо, и холодное дыхание, словно позади него. В итоге он едва не разнес прибор в пух и прах, когда тот зашипел, указывая на то, что Гарри использовал магию.

Его мысли были заняты как судебным процессом, так и тем, что произошло в его кабинете.

Гарри Поттер, потомок Певереллов, подвергается нападению дементоров именно тогда, когда артефакт, сделанный тремя братьями Певереллами, обжег его, когда он приводил в порядок свой стол, а призрак Смерти, преследовавший его всего лишь долю секунды, возможно, был лишь его собственным воображением.

Напряжение, связанное с множеством дел, привело к тому, что он послал ответ на заявление Сириуса о подготовке Гарри как достойного наследника, не попросив, а заявив, что Сириус подождёт с обучением Гарри Окклюменции.

Обучение Окклюменции более высокого уровня потенциально могло бы раскрыть ограничения на магию Гарри, что пока не может быть обнаружено.

Дамблдор пришел к выводу, что то, что поразило Гарри, причиняя ему боль и наделяя его способностями к парселтонгу, было крестражем.

Он возблагодарил всех богов за то, что у него хватило ума связать магию мальчика в раннем детстве. Этот крестраж вполне мог изменить его личность, если бы ему дали возможность питаться его аномально сильной магией, и сделать его более похожим на Волдеморта.

Несомненно, Гарри был ребенком Пророчества, сила, которой обладал мальчик, была похожа на его собственную или Волдеморта, только ему не хватало стремления к величию, которое двигало им самим и юным Томом Риддлом.

Наверное, ты был прав, Геллерт. с тоской подумал он, вспоминая разговор и теорию о том, что от чистокровных и магглорожденных рождаются более сильные дети.

Он снова опустил взгляд на письмо, слова в котором выражали нечто гораздо более язвительное, чем могло показаться из цветистых слов, составлявших послание.

Сириус резко отреагировал на его, безусловно, глупое требование, затронув чувствительную для него тему.

Дамблдор опасался, что Гарри под давлением Сириуса, желающего освободиться, объявит себя наследником Блэков и попытается использовать это как способ протащить себя через суд, давая понять, что теперь он игрок в игре.

Если предположить, что Волдеморт будет побежден, Волшебной Британии понадобится кто-то для исцеления нации, и Гарри мог бы стать тем, кто это сделает.

Дамблдор не терял надежды, что крестраж может быть удален с помощью Убийственного проклятия, а использование Волдемортом крови Гарри привяжет юношу к миру.

Если это произойдет, Гарри сможет повлиять на Волшебную Британию во благо, получив два места в Визенгамоте.

Но жестокая игра в политику означала, что его очень легко могут использовать, если сочтут наивным, чего боялся Дамблдор.

Покачивая головой, он повернулся к своему знакомому, который тихонько затрепетал, приветствуя старика.

"Я боюсь, что совершил ошибку с молодым Гарри", - тихо признался он, опустив глаза, - "И я не уверен, что смогу исправить нанесенный ущерб".

Фоукс снова тихонько затрещал и уткнулся головой в руку Дамблдора.

"Я сделаю все возможное, чтобы помочь ему в суде", - пробормотал он, - "Даже если он останется недоволен мной".

Он подумал, что лучше не позволять Гарри слышать о том, что о них двоих говорили в "Ежедневном пророке", особенно о слухах о том, что он был последним, кто видел молодого

мистера Диггори живым.

Он не думал, что просьба о том, чтобы друзья Гарри не писали ему совы, заставит его думать о смерти Диггори. Чувство вины выжившего было универсальной вещью как в магловском, так и в магическом мире. Если остаться наедине с собственными мыслями и позволить неуместному чувству вины разгореться, это изменит любого в худшую сторону.

В первом письме от Ремуса и Сириуса не скрывалось, что Гарри не желает иметь с ним ничего общего, и он принял это объяснение, зная, что оно не было необоснованным.

Когда он готовился лечь спать, зная, что суд состоится завтра, он думал о том, что ждет его и мальчика, который страдал больше, чем должен был.

"Я молюсь, чтобы ты смог простить меня, Гарри", - прошептал Дамблдор про себя, - "Ибо я не думаю, что у меня хватит сил сделать это для того, кто причинил мне зло".

Настал день суда.

Гарри не спал больше часа до звонка будильника, обдумывая свой план. Он знал, что это вызовет волнения, но он планировал сделать выстрел через нос, чтобы дать понять Волдеморту и Пожирателям смерти, что они не так безопасны, как им казалось.

Отнятие места Блэка у Люциуса Малфоя стало бы большим ударом по его финансам и, соответственно, по финансам Волдеморта.

Предполагаемая невиновность веселой банды террористов была бы сильно подорвана тем, что Сириус, аврор, который неоднократно заявлял, что узнал нескольких Пожирателей смерти, убивающих маглов и использующих определенные заклинания, был признан невиновным в предъявленных ему обвинениях.

Сириус не смог скрыть, насколько он был взбешен письмом, которое прислал Дамблдор, практически требуя, чтобы Сириус не обучал Гарри Окклюменции или другой магии, которой обучали наследника.

Сев с кровати, он подошел к сундуку и достал питательное зелье, выпив его одним глотком. Он надеялся, что этим летом ему удастся ускорить рост, который перейдет в учебный год.

Затем он подошел к двери и вышел из комнаты, направившись на кухню.

Молли встала рано, чтобы приготовить завтрак для него, Артура, который должен был забрать его, и Сириуса, которому было трудно заснуть.

"Гарри." Артур поприветствовал его, выпив чашку чая, в который, вероятно, было подмешано какое-то бодрящее зелье, судя по тому, как бодро он выглядел.

"Мистер Уизли". пробормотал он, делая вид, будто только что проснулся.

Гарри сел рядом с Сириусом, который выглядел ужасно.

"Что с тобой, Падфут?" спросил Гарри, "Этот суд - фикция. Не о чем беспокоиться".

"Я начинаю сомневаться в плане", - пробормотал Сириус себе под нос, - "Я могу подождать, если нужно".

Гарри окинул Сириуса пристальным взглядом.

"Я делаю это не потому, что хочу насолить Фаджу и Малфою, я делаю это потому, что ты мой крестный и заслуживаешь свободы. Ты хороший человек, который слишком много страдал за то, чего не совершал".

Сириус только вздохнул, не желая спорить.

Это нормально для людей - струсить перед серьезным выбором, и Сириус оказался в такой ситуации.

"Это ты, Гарри", - твердо сказал он, мягко улыбнувшись своему крестнику, - "Я поддерживаю тебя, несмотря ни на что".

Гарри улыбнулся в ответ и заметил, как вошла Молли с тарелкой яичницы с беконом.

"Держи, Гарри". сказала она, опустив тарелку с сочувственным взглядом.

Быстро сказав "Спасибо", Гарри начал есть свой завтрак, чтобы заглушить грызущую боль в желудке.

Двое старших мужчин получили свой завтрак и тоже приступили к еде, продолжая молчать.

Последние несколько дней Гарри использовал для "учебы", чтобы подготовиться к испытанию. Дамблдор, несомненно, придет на помощь, вероятно, надеясь добиться снятия обвинений иными способами, чем планировал Гарри.

Дамблдор мог либо следовать программе, либо не вмешиваться. Гарри не требовались впечатляющие познания этого человека в области права, он знал эти законы благодаря тому,

что узнал их от Дафны.

Покончив с завтраком, он поднялся наверх, чтобы взять мантию, купленную для суда. Он надеет их, когда они приедут в Министерство, вероятно, забежав в ванную.

Он убедился, что рукав пиджака достаточно длинный, чтобы скрыть большую часть руки, но в большей степени кольцо на руке.

Он спустился обратно на кухню, Артур стоял за дверью.

"Мы готовы, Гарри?" - спросил он.

Гарри решительно кивнул.

Гарри вскользь упомянул, что им следует быть более подготовленными к чему-то глупому, например, к изменению времени суда в последнюю минуту.

Произошло то же самое, что и раньше: время сдвинулось на час вперед.

Именно поэтому они не спешили в Министерство, а смогли позавтракать.

Артур улыбнулся Гарри, и они вдвоем вышли из дома и направились в Министерство магии.

Когда они прибыли в Министерство, Гарри фыркнул на слабую охрану.

В сети флоу не было встроенной руны принудительного отключения, редко кто из авроров сидел в углу под дезиллюминационными чарами, и множество других пробелов, которые он мог заметить.

Он не был параноиком по поводу таких вещей, как Моуди, но аврор со шрамом был прав в том, что он единственный оставшийся член выпускного класса авроров, который все еще жил по какой-то причине.

Держи голову на пульсе, и ты ее не потеряешь.

Таково было одно из изречений в руководстве для авроров, написанном этим человеком.

Гарри проверил свою палочку на стойке регистрации, но прежде чем Артур успел заговорить с автоматическим устройством об их цели получить пропуска для посетителей, Гарри заговорил.

"Я - Гарри Поттер, - сказал он величественно, стараясь подражать тону и манерам Сириуса, - и я торжественно клянусь, что замышляю недоброе".

К вечной радости Гарри, ему выплюнули значок с надписью.

Гарри Поттер. Замышляю недоброе.

"Правда, Гарри?" спросил Артур, пытаюсь и не пытаюсь казаться строгим.

"Мне нужен сувенир". Гарри пожал плечами, гордо повесив значок на грудь.

Артур только покачал головой, понимая, что Гарри пытается разрядить обстановку.

Закончив, так сказать, регистрацию, они направились к главному входу в Министерство магии.

Они прошли через атриум, Гарри взглянул на коллекцию статуй в центре.

У него было припасено золото для фонда пожертвований, и он напомнил себе, что должен внести немного после суда.

Они вошли в лифт и протиснулись в него, там же находилось еще несколько человек.

Пара из них бросила на Гарри взгляд, узнав его. Он не счел нужным реагировать на их взгляды.

После нескольких остановок, чтобы выпустить людей на разных уровнях, они остались вдвоем, и лифт, наконец, достиг нижнего уровня.

Они вышли из него и направились к выбранной комнате для испытаний. Гарри знал, как разыгрывается власть при выборе комнаты для испытаний.

Это была комната, которую использовали во время суда над Лестранжами и Краучем-младшим.

В одном из коридоров Гарри заметил Фаджа в парадной мантии, который разговаривал с Люциусом Малфоем.

Светловолосый мужчина заметил Гарри и одарил его знающей ухмылкой.

Гарри в ответ усмехнулся с еще большей злобой, наслаждаясь легкой вспышкой удивления в глазах старшего.

Фадж заметил, что Люциус смотрит на что-то в стороне от него, заставив министра посмотреть туда, куда смотрел Люциус.

Министр на мгновение перевел взгляд на Гарри, затем насмешливо улыбнулся и повернулся к Малфою, что-то быстро сказал, затем повернулся, чтобы пройти в зал судебных заседаний через отдельный вход.

"Пойдем, Гарри." сказал Артур, бросив ненавидящий взгляд на Люциуса, а затем направился к главному входу, где собрался весь Визенгамот.

Артур остановился у двери и посмотрел Гарри прямо в глаза, его лицо выражало мягкость, которую он обычно сохранял для Молли или своих детей.

"Я хотел бы сделать больше, Гарри, - прошептал он, - ты этого не заслуживаешь. Мне жаль Рона. Я одинаково люблю своих детей, но он совершил ошибку в прошлом году, и они с Гермионой совершили ошибку этим летом. Ты не должен чувствовать, что твоих друзей нет рядом с тобой".

Гарри посмотрел на мужчину с доброй улыбкой, видя, как тот принимает ситуацию близко к сердцу.

Артур Уизли не был самым умным человеком в мире, не был красивым или богатым, но трудно было бы найти более доброго человека.

Он был квинтэссенцией отца, человека, который был добрым и старался поощрять своих детей быть лучшими, какими они только могли быть.

"Я не один, - мягко сказал Гарри, - ты здесь, даже если ты и Падфут не со мной. Я знаю, что я не один".

Гарри увидел, как Артур подозрительно быстро моргает глазами, его глаза, казалось, блестели.

"Удачи, Гарри". Он похлопал младшего по плечу.

Гарри улыбнулся и повернулся, чтобы войти в комнату, его Окклюменция была на месте, чтобы обострить его ум.

Дверь открылась с почти незаметным скрипом, и ее закрытие зловещим эхом отозвалось в довольно большой комнате.

Гарри увидел здесь весь Визенгамот, различных лордов и леди с наследственными местами, а также избранных и награжденных Орденом Мерлина.

Все повернулись, чтобы посмотреть на него, их возвышенное положение, а также характер ситуации, запугали бы большинство людей в затруднительном положении Гарри.

Но Гарри не был большинством.

Он прошел к центру комнаты, оглядывая членов Визенгамота без унции страха.

"Садитесь." сказал Фадж, жестом указывая на стул.

Гарри посмотрел на кресло и сел, глядя на цепи, которые слегка подергивались.

Запугивание. подумал он.

"Настоящим я объявляю это заседание открытым, - громко заявил Фадж, чтобы зал слышал, - дата - двенадцатое августа 1995 года. Исполняющий обязанности главного колдуна и министра магии, Корнелиус Фадж. Писарь суда, Персиваль Уизли..."

Гарри продолжал разглядывать каждого члена Визенгамота, пытаясь уловить их мнение.

Из всех них Сайрус Гринграсс был единственным, от кого он не мог отделаться.

Присутствие этого человека слишком сильно напоминало ему о Дафне, о чем он не мог сейчас думать.

"Вы Гарри Джеймс Поттер, из дома номер 4 по Прайвет Драйв, верно?" Голос Фаджа прорвался сквозь мысли Гарри.

"Да." Гарри спокойно ответил, сохраняя зрительный контакт с Фаджем.

"Вы понимаете всю серьезность ситуации, в которой вы оказались?"

"Мне сказали, что я должен явиться на слушание по поводу использования магии", - пожал он плечами, - "Странно, что для такого дела требуется весь Визенгамот".

Несколько членов имели приличие выглядеть немного овечками, в основном это были получатели Ордена Мерлина и избранные.

"Это не имеет никакого значения, мистер Поттер", - промурлыкал Фадж, пытаясь переступить через этот неудобный факт, - "Цель этого слушания - определить невиновность или виновность ваших действий".

"В чем заключаются обвинения, которые Министерство посчитало нужным предъявить мне?" пренебрежительно спросил Гарри.

Гарри заметил, что не один Лорд слегка ухмыльнулся его формулировке.

Фадж глубоко вздохнул, незаметно взглянув на Гарри, и продолжил.

"Обвинения следующие: Нарушение Статута секретности путем использования магии, а именно заклинания Патронуса, в маггловском районе, в присутствии маггла. Следующее обвинение - использование магии вне школы, нарушение Статута о колдовстве несовершеннолетних".

"Признаете ли вы эти обвинения?" спросил Фадж.

"Любые предпринятые действия были в рамках закона", - Гарри пренебрежительно махнул правой рукой, действуя так, словно сегодня была простая рутина, - "Я не нарушил ни один из Статутов".

Это было уклонение. Он не "признался" в нарушении Устава, предоставив Фаджу возможность засыпать его вопросами, которые помешают ему прояснить ситуацию.

"Скажите на милость, каким образом колдовство в присутствии маггла не нарушает Статут о секретности?" спросил Фадж, его тон напоминал тон родителя, ругающего ребенка за особенно тупой комментарий.

"Магл, о котором идет речь, - это мой кузен, Дадли Дурсли, - ответил Гарри, наслаждаясь вспышкой раздражения на лице Фаджа, - Он уже знал, что я волшебник. На самом деле, он был рядом со мной, когда я узнал, что я волшебник и что существует удивительный скрытый мир". добавил он с фальшивой тоской в своем тоне.

Повествование о том, что Дадли был скорее братом, чем кузеном, давало преимущество тому, что он планировал сделать в ближайшее время, но Гарри сосредоточил свою Оклюменцию на чем-то, касающемся его самого.

Где, черт возьми, Дамблдор? Не похоже, чтобы этот человек был настолько злобным, чтобы бросить меня на растерзание пресловутым волкам. подумал он.

"Да, хорошо, - Фадж попытался успокоить себя из-за внезапной смены темпа, - мы вернемся к этому. Другое обвинение - использование магии вне школы. Вы действительно использовали

магию вне школы".

"По закону Министерства, - ответил Гарри, его голос был высоким и ровным, - я не являюсь несовершеннолетним. Министерство объявило меня эмансипированным несовершеннолетним из-за незаконной фальсификации Огненного кубка неким Бартемиусом Краучем-младшим. Человек, объявленный мертвым и похороненным, человек, который был приговорен к Азкабану тем самым Министерством, главой которого являетесь вы".

Гарри широко ухмыльнулся при последней фразе.

"Эмансипированным несовершеннолетним все еще не разрешено колдовать в маггловских районах". Фадж пытался говорить уверенно, но его тон выдавал сильное беспокойство.

Дамблдора здесь не было, подумал Фадж. План, направленный на то, чтобы он не появился вовремя, очевидно, сработал, дав им возможность наглубить мальчику и получить признание.

Но этот мальчик был не тем, за кого его выдавал Люциус. Сын Люциуса говорил, что Поттер - высокомерный хвостун, не разбирающийся в политике, но сейчас он начал серьезно сомневаться в подлинности этих слов.

"Эмансипированным несовершеннолетним, которые являются наследниками Благородного и Древнего Дома, разрешено использовать магию так же, как и тем, кому только что исполнилось 17 лет". Гарри ответил, заметив несколько не слишком выразительных взглядов.

Лорды-традиционалисты смотрели на него так, как один вид хищных животных смотрит на другого, представляющего определенную угрозу.

Прогрессивная фракция и фракция сторонников Дамблдора смотрели на него с полным шоком.

Сайрус Гринграсс абсолютно не изменил своего поведения, но Гарри достаточно хорошо знал этого человека, чтобы понять его по выражению лица.

Он использовал транс Окклюменции, чтобы ускорить мышление и скрыть свои эмоции.

Очевидно, что Сайрус, по крайней мере для Гарри, прогонял множество мыслей в быстром темпе, чтобы понять, что делает Гарри и сможет ли он извлечь из этого выгоду.

Прямо как ваша дочь, квинтэссенция Слизерина. Он улыбнулся.

"Вы ошибаетесь, мистер Поттер". Амелия Боунс вмешалась, Фадж откинулся в кресле, чтобы дать возможность директору ДМЛЭ на мгновение взять себя в руки: "Пункт, относящийся к эмансипированным несовершеннолетним, касается только тех случаев, когда человек является признанным наследником своего Дома, а в вашем конкретном случае, чтобы объявить себя официальным наследником Дома Поттер, вам нужно обладать фамильным кольцом".

Гарри собирался заговорить, но Боунс продолжил.

"Кроме того, я полагаю, мы хотим знать, почему вы почувствовали необходимость применить магию, а именно заклинание Патронуса, в общественном магловском месте. Если бы это было что-то настолько глупое, как желание показать своему кузену впечатляющий магический подвиг, тогда это было бы более понятно. Но это было в общественном месте. Слава Мерлину, маглы не сообщали о светящемся серебристом тумане".

"Необходимость, мадам Боунс, - почтительно кивнул Гарри женщине, - возникла из-за чего-то, что могло бы стать причиной участи хуже смерти для меня и моего кузена, если бы я не знал о чарах Патронуса".

Гарри заметил, как несколько Лордов начали переминаясь с ноги на ногу, слышалось несколько вдохов.

"В тот день на меня и мою кузину, мою кровь, напали два дементора".

Слышалось несколько "Что", несколько человек начали садиться и громко говорить, требуя разъяснений.

"Порядок! Порядок!" крикнул Фадж, ударяя молотком, чтобы навести порядок в комнате, - "Это правдоподобная сказка, придуманная мальчиком, который хотел немного развлечься, используя магию вне школы. Вы, очевидно, прочитали определенные законы, чтобы попытаться избежать наказания. Невозможно, чтобы дементоры были в Литтл-Уингинге. Дементоры находятся под контролем Министерства и только Министерства. И очень удобно, что единственным другом там был твой кузен-магл, который не способен видеть дементоров".

Копай себе могилу, ублюдок. Гарри злобно усмехнулся, видя, как еще один кусочек собирается воедино.

"Если вы не сможете предоставить доказательства своих слов, - продолжал Фадж, - мы можем верить вам только на слово, а оно, надо сказать, довольно никудышное".

Несколько лордов и сама Боунс бросили на Фаджа взгляд за тонко завуалированное замечание, если его вообще можно было так назвать.

"Могу я попросить использовать Веритасерум?" спросил Гарри.

Веритасерум не часто использовался для определенных испытаний, использование Окклюменции позволяло людям давать неверные ответы или такие, которые были правдивы в намерении, но не в понимании.

"Вы не можете". Фадж сказал просто: "Использование Веритасерума крайне..." его прервал не кто иной, как Сайрус Гринграсс.

"Мои извинения, министр, но использование Веритасерума ограничено только в качестве проверки для тех, кто владеет Окклюменцией", - громко и четко сказал этот человек, - "Мистеру Поттеру недавно исполнилось 15 лет, и он был воспитан маглами. Осмелюсь предположить, что он вряд ли обучался его использованию".

Так вот какова ваша точка зрения. подумал Гарри.

Сайрус нашел способ дать Гарри "ногу вперед" в суде, вероятно, чтобы добиться расположения.

Интересно, как он отреагирует, если я скажу, что стану его союзником, потому что трахнул его дочь? весело подумал Гарри.

"Ну, это еще не значит..." попытался сказать Фадж.

"Я бы очень хотел узнать, есть ли хоть какая-то правда в том, что сказал мистер Поттер", - громко заявил Сайрус, глядя на других членов Визенгамота, - "Дементоры находятся под контролем Министерства, но если есть хоть малая вероятность того, что это произошло, то это указывает на то, что либо они вышли из-под контроля, и в этом случае удачно, что мистер Поттер смог спасти себя и показать, что проблема существует, либо он лжет об этом, и тогда мы можем перейти к вынесению приговора".

Несколько членов кивали, большинство из них были из Прогрессивной фракции и даже некоторые из более нейтральных.

Фадж закрыл глаза и глубоко вздохнул, смирившись с тем, что ему придется провести голосование за использование Веритасерума.

"Очень хорошо", - выдохнул он, - "Все за использование Веритасерума?".

Чуть больше половины подняли руки.

<http://tl.rulate.ru/book/92313/2975527>